

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

ХІХ ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1985

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1986

你老人家爭? Наньдао во хай тун ни лао жэньцзя чжэн? "Неужели я еще буду с Вами, почтенный, спорить?" (190); 快起來和你說話! Куай ци лай хэ ни шохуа! "Быстро вставай, с тобой разговариваю!" (138); 此人若招致而來, 與二位先生一談... Ци жэнь жо чжаочжи эр лай, юй эрвэй сяньшэн и тань ... "Если этот человек согласится прийти с вами (букв. с двумя господами) поговорить..." (121).

Итак, если в текстах периода Сун-Юань дополнение с юй может иметь два значения: 1) лицо, для которого совершается действие и 2) лицо, которому что-то передается, то в языке "Жулинь вайши" практически сохраняется только второе значение. В первом значении регулярно используется предлог ти.

Современный предлог гэй, отсутствующий в языке периода Сун-Юань, начинает употребляться в "Жулинь вайши", но встречается еще очень редко. Дополнение с гэй выступает лишь во втором значении. Существенное расхождение между современным языком и языком романа "Жулинь вайши" состоит в том, что в современном языке дополнение с гэй в данном значении обычно стоит перед прямым дополнением, тогда как в наших текстах такое дополнение употребляется после прямого дополнения.

Если в текстах периода Сун-Юань из предлогов, выражающих отношения совместного участия в действии в основном используются хэ и юй, реже тун и гун, то в "Жулинь вайши" тун является самым распространенным, гораздо реже употребляется хэ, еще реже - юй.

1. Здесь и далее характеристика языка периода Сун-Юань дается по книге: И.Т.Зограф. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М., 1979.
2. Ссылки даются на страницы издания: 吳敬梓. 儒林外史 (У Цзин-цзы. Жулинь вайши). Пекин, 1954 (просмотрены с. I-205).
3. 丁声树等. 现代汉语语法讲话 (Дин Шэн-шу и др. Лекции по грамматике современного китайского языка). Пекин, 1962.

В.В.Кушев

О ЯЗЫКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АФГАНСКОГО ПОЭТА АЛИ-АКБАРА ОРАКЗАЯ

Перу административного и военного деятеля Дурранийской империи поэта Али-Акбара Оракзая принадлежат два сборника произведений на афганском и персидском языке, сохранных уникальной руко-

писью, которая ныне хранится в Матенадаране и является единственным источником сведений об авторе, его жизни и деятельности, в частности литературной.^Ж Стихи и немногие прозаические сочинения Акбара представляют определенный интерес и в лингвистическом отношении.

Выходец из афганского племени оракзи, Али-Акбар сначала писал газели на афганском (пашто) языке, познакомился с афганской поэзией по стихам Хушхаль-хана и других поэтов, а позднее, во время службы при дворе наместников шахов Дуррани в Кашмире, Пенджабе, Пешаваре, он изучил персидскую поэтику, риторику, читал Саади, Хафиза, Ахмада Джама и стал слагать стихи на персидском языке: газели, рубаи, тарджибанды, сочинил несколько касид на пашто. Относясь критически к собственным ранним произведениям, он намеревался их уничтожить, но решил сохранить для потомства как материал к изучению родного языка.

Акбар высоко ценил литературную деятельность, стремился овладеть всеми богатствами языка. Так, в предисловии к персидскому сборнику он отмечал, что "... сочинительство, писательское искусство - дело большое и важное, особенно же - собирание и упорядочение тех афганских слов, которые употребляются редко и служат не для болтовни пустословов". Открывая этот сборник, по традиции, славословием бога, поэт славит его только за одно "деяние": "Достоин бесконечных восхвалений и бесчисленных славословий тот Говорящий, который язык каждого прославляющего сделал произносящим множество различных слов и научил народы значениям слов арабских, персидских и афганских...".

Али-Акбар прекрасно владел афганским и персидским языками, о чем свидетельствуют сами его произведения, с той только разницей, что в его персидских стихах больше проявляется владение поэтическими средствами художественной выразительности, тогда как язык афганских стихотворений Акбара более непринужденный, безыскусный, близкий разговорной речи. Поэт называет персидский язык "дарй", вкладывая в этот термин скорее его раннее значение, нежели стремясь с его помощью выделить восточное наречие персидского языка. Только однажды, говоря о собственном персидском диване, он определяет его как "диван на фърсий", подчеркивая, вероятно, свое намерение писать стихи на языке, общем фактически для всей персидской поэзии. Афганский язык всюду в персидском тексте назван "афганй", термин "афган" определяет афганцев, афганский народ, племена и т.д., чему в тексте на пашто соответствуют "паштун", "паштанэ", "паштунхвā" и др. Арабский язык в персидском тексте упоминается как "тāзй", в арабском - "ал-'араб" (пер-

сидский там же "ал-‘аджам").

Язык персидских произведений имеет некоторые особенности, характерные для диалектов дари Афганистана и для таджикского языка. Например, глагольные превербы в сложных глаголах не отделяются в-
дновременным префиксом ме- от личной формы: ме-бар-āйад, ме-дар-
āйад. Такое построение было присуще и ранне-новоперсидскому языку. В числе грамматических архаизмов в языке рукописи заслуживает внимания использование глагола āмадан в качестве вспомогательного при образовании страдательного залога, так как известно, что эта форма вышла из употребления к началу I7-го века: та‘лйкча каламй шуд ва ирсāй дāшта āмад. Здесь āмад – показатель пассива, рассматривать его иначе, например как модифицирующий глагол, невозможно.

Специфической представляется встретившаяся конструкция с постановкой отрицания перед превербом сложного глагола: на-бар-гашта-аст. Можно отметить дублирование показателей множественного числа в именах (арабское ломаное + окончание -ān) как более характерное именно для восточных диалектов: умарāйān, атфāлān. Широко употребляются лично-указательные местоимения 3 л. мн.ч. ānān, oshān.

Графика и орфография персидской части рукописи обычные, своеобразной чертой графики является только снабжение надбуквенной хамзой буквы ā , обозначающей гласный -а, в отличие от той же буквы при передаче ее согласного. (Этим исключалась возможность выражения хамзой изафета).

Лексические особенности прослеживаются главным образом в прозаических произведениях и сатирических месневи: немало слов, присущих лишь персидско-таджикским диалектам, слов, заимствованных (иногда только Акбаром) из пашто, а также из индийских языков. Чаще это различные реалии, редко – обозначения абстрактных понятий.

Что касается языка афганского сборника, на основании некоторых особенностей графики и орфографии рукописи можно сделать вполне определенное заключение о принадлежности диалекта автора к восточной группе, несмотря на то что арабо-персидско-афганская графика не в состоянии адекватно отразить фонетическую и грамматическую систему языка. С учетом того, что поэт происходил из племени оракзи, совокупность всей графико-орфографической специфики и грамматических черт идиолекта можно рассматривать как свойственную не изученному пока оракзайскому диалекту. (Впрочем, встречается и диалектная, и "стандартная" запись одних и тех же слов). Самым своеобразным является отсутствие знака خ ц, ко-

торый в рукописях того периода обыкновенно служил для обозначения ц и дз. У Акбара эту общую функцию выполняет буква خ, которая в других рукописях отсутствует вовсе или передает только дз. В своем звонком значении эта буква, по-видимому, читалась как з и в рукописи часто заменяется еу, отражая фонетику восточной группы, но сохраняется для передачи глухого ц (или с?). Точно так же, как с аффрикатами, обстоит дело с ретрофлексными шипящими: звонкий ж передается или стандартно через ز, или диалектно گ, тогда как для глухого ц используется только стандартный знак ش и нет альтернативы в виде خ. Орфографии рукописи присущи написания, встречающиеся в манускриптах 18-го века: стоящие рядом односложные слова и частицы, могут быть написаны слитно, иногда не обозначены или отмечены только огласовкой падежные окончания: ملكون, د عاشقان، گلون، رتب، له جانان سره. Нередко глагольные суффикс и окончание пишутся отдельно от корня: بنطله ول، مشغوله ول، غوخته وي، خلاصه وي، ياده وي. Орфография арабских и персидских заимствований сохраняется за исключением нескольких случаев афганской фонетической передачи: پاجى > فاجع.

В стихах, особенно суфийских, широко используется персидская и арабская лексика, для одних и тех же понятий могут употребляться и персидские, и афганские слова: чашман и стерге, лабан и шунде, саган и сби. Есть заимствования из Индии. Принадлежность диалекта Акбара к восточной группе подкрепляется и восточной формой слов, различающихся по наречиям: па́то (зап. пата), врадз (зап. рвадз), нвар (зап. лмар), швел (зап. свел), кенāстел (зап. кшенāстел) и т.п.

В грамматике, особенно в системе глагола, также наблюдаются черты, свойственные восточным диалектам. К ним относятся формы 3-го лица ед.ч. прош. вр. на -о: rāglo, tereḍo, kro; 3 л ед.ч. прош. вр. м.рода глагола швел и глагола-связки выражаются формами وده و شوه/شه, присущими диалектам восточной группы. Префикс императива, сослагательности и совершенности действия наряду с формой و чаще пишется в форме وده. Следует отметить 1 л. ед.ч. швелом наряду с швем и встретившееся употребление формы мн.ч. для 3 л.ед.ч. прош.вр. - швел.

В стихах Ахи-Акбара обычны архаичные сегодня формы глагола кавэл, вероятно, сохранившиеся в диалектах: kā, ka, kāndī. Они употребляются главным образом в значении настоящего времени изъявительного наклонения, но иногда также сослагательного, побудительного (при поддержке частицы de), изредка - имперфекта.

Существительные м.рода с исходом на согласный, управляемые

посредством предлогов *ле*, *тёр*, могут получать окончание *-а* (выражаемое на письме буквой *ā* или знаком *фатхи*), сообщающее значение аблатива: *ле ватана*, *ле 'ишка*, *тёр 'умра* (II косв.падеж).

В области синтаксиса наблюдается инверсия – постпозиция именных определений с предлогом *де*: ... *зре де 'ашикано*. С другой стороны, нередкой является препозиция энклитических местоимений в атрибутивном значении: *ме салам*, *ме стерге*.

Здесь не представляется возможным остановиться на всех характерных чертах языка сочинений Акбара, однако и приведенные сведения свидетельствуют о значении содержащихся в рукописи языковых фактов для изучения истории и диалектологии афганского языка.

* В.В.Кушев. К биографии Али-Акбара Оракзая – афганского поэта XVIII века. – Вестник Матенадарана. Ереван, 1977, № 12, с. 114–133; Р.И.Амирбемян. Миниатюры афганской рукописи Матенадарана. – Историко-филологический журнал. Ереван, 1982, № 4 (99), с.165–176.

Л.Н.Меньшиков

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ТРАНСКРИПЦИЙ В ПЕРЕВОДАХ СЮАНЬ-ЦЗАНА

Вопросы транскрипции некитайских слов (имен, топонимов, терминов) в переводах буддийских сочинений на китайский язык рассматривались в работах разных авторов (Б.Карлгрен, Ли Жун, Ван Ли, Тодо Акиясу, Чжоу Фа-гао и др.) главным образом в целях реконструкции звучания слогов китайского языка в те или иные периоды его истории. Успехи этой работы, в которой сочетаются различные методы – от реконструкций по рифмам до реконструкций по иноязычным транскрипциям китайских текстов – общеизвестны, общепризнаны.

Тем не менее, одна группа явлений, характерная для буддийских транскрипций, сколько мы можем судить, прошла мимо внимания тех, кто этими реконструкциями занимался. В двух основных школах перевода – Кумарадживы (344–413) и Сюань-цзана (602–664) – есть особенности транскрипции, отличающие их друг от друга и наблюдаемые достаточно ясно и последовательно. Для сравнения удобно брать труды именно этих двух переводчиков: оба автора сделали эпоху в истории переводов с санскрита на китайский язык; язык обоих переводчиков носит достаточно явные черты северной группы диалектов; наконец, оба они провели достаточно долгое время в монастырях Северной Индии, чтобы усвоить подлинное звучание санскритских